

Последствия в таких ситуациях обычно самые печальные.

Если человек действительно зол, то максимум, что он делает, — это поколотит. Но если он молчит, а потом взрывается, то это может быть гораздо хуже, чем просто побои.

Цзян Хуайчу лучше молиться о своей судьбе!

Цзян Хуайчу: ...

Не знаю, что тогда на него нашло, он действительно зазнался, раз осмелился сказать такое.

— Когда наконец нашел того, кто тебе по душе, держись за него покрепче.

Лу Цзиньмин с отеческой заботой уговаривал Фу Боя:

— Если гора не идет к тебе, иди к ней сам. Как говорится, настойчивый мужчина победит любую женщину. Это мудрость, переданная нам предками.

Лу Цзиньмин:

— Подумай, разве не так?

Чем больше он говорил, тем хуже становилось настроение у Фу Боя.

Это не он бросил!

Разве он не хотел? Он бы с радостью обнимал его каждый день.

Но этот неблагодарный малыш просто ушел, не оглянувшись, без сожаления, хм!

И слова о любви, должно быть, тоже были ложью!

— Хм, слишком его избаловал, — Фу Боюнь холодно фыркнул.

Однако внутренний монолог был далек от внешнего спокойствия.

Правда? Действительно ли это так? Работает ли такой метод?

Но когда другие навязывались ему, он раздражался до бешенства, желая, чтобы они просто исчезли с лица земли.

— Слишком высокомерный, не так ли?

— Фу-гэ прав, нельзя слишком баловать, а то начнет злоупотреблять.

— Фу-гэ, такие любовницы, чем больше им потакаешь, тем больше они наглеют. Все они такие высокомерные, но стоит предложить деньги, и они готовы на все.

— Да-да, те, кто лезет в постель, — это отбросы.

— Притворяются, будто любят тебя, но на самом деле им нужны только твои деньги. Таких я видел много.

Фу Боюнь начал разговор, и эти богатые наследники, считая, что нашли возможность показать себя перед Фу-гэ, начали делиться своими личными историями и мнениями, пытаясь вызвать у

него отклик.

— Фу-гэ, такие холодные женщины просто играют в «поймай-отпусти». Женщин полно, нельзя позволять им слишком много о себе думать. Они всего лишь инструмент для утешения, а!

Говоривший с напускной бравадой наследник унижал и презирал, самодовольно ухмыляясь, что вызывало отвращение.

Фу Боюнь швырнул бокал на пол, встал и с размаху пнул его ногой:

— Не смейте сравнивать его с вашей грязью, они недостойны.

— Вы сами кто такие? — Фу Боюнь окинул взглядом говоривших, и его взгляд был полон презрения.

— Фу-гэ, мы не имели в виду вашего... друга.

— Фу-гэ, я виноват, простите нас!

Те, кто только что говорил с наглостью, теперь дрожали, умоляя о прощении.

Методы Фу Боя были известны своей суровостью, и перечить ему было равносильно самоубийству.

Кто бы не дрожал от страха в такой ситуации?

— Этых...

Фу Боюнь с мрачным лицом, его холодный взгляд был наполнен ледяной яростью.

— Я знаю, я разберусь.

Цзян Хуайчу, который только что шутил с Фу Боем, теперь был серьезен, его лицо выражало отвращение.

Сегодняшняя вечеринка должна была быть радостным событием, но всегда находятся идиоты, которые портят все настроение.

Настоящие крысы, испортившие весь суп.

Какая мерзость!

— Фу-гэ, не злись, я сам разберусь.

Цзян Хуайчу первым делом успокоил Фу Боя. Этот вечер он организовал, и теперь должен был взять на себя ответственность.

Гнев на лице Фу Боя не утихал, вокруг него витала леденящая атмосфера.

— Я позволил вам сидеть здесь, а вы позволяете себе обсуждать мою жену?

Цзян Хуайчу поставил ногу на стол, схватил Ли Цзясина, которого только что пнул Фу Боюнь:

— Ли Цзясин, если не умеешь говорить, я могу помочь тебе отрезать язык.

— Цзян Шао, Цзян Шао, я виноват, я действительно виноват.

Ли Цзясин побледнел, весь дрожа, он начал извиняться:

— Я просто был пьян, я не хотел этого.

Цзян Хуайчу схватил его за воротник и несколько раз ударил его головой о стол:

— Ты говоришь, что был пьян, теперь ты трезв?

— Трезв, трезв.

Ли Цзясин, с головой, гудевшей от ударов, дрожащим голосом ответил.

— Ты сказал, что они отбросы, лезущие в постель, а ты сам? Я тебя приглашал? Лезешь сюда, ты не отброс?

Цзян Хуайчу, видя таких наглых идиотов, не мог сдерживать своего гнева.

Не только Фу Боюнь хотел его избить, он сам тоже.

Настоящий отброс.

Цзян Хуайчу поднял его и ударил тыльной стороной ладони по лицу:

— Они хотят твоих денег, а ты хочешь их тел, ты не отброс?

— Я отброс, я отброс.

Ли Цзясин, не раздумывая, согласился. Теперь, когда его судьба была в чужих руках, он был готов на все.

Цзян Хуайчу с отвращением отпустил его, и Ли Цзясин, не устояв на ногах, упал на пол.

Цзян Хуайчу с холодным лицом достал телефон и позвонил:

— Приходите, разберитесь с этим.

Менее чем через минуту дверь кабинета открылась, и вошли двое крепких мужчин в черном, почтительно поклонившись:

— Цзян Шао.

Цзян Хуайчу посмотрел на лежащего на полу Ли Цзясина и кивнул.

— Поняли.

Двое мужчин схватили Ли Цзясина за руки и вытащили его, как мертвую собаку.

— Я виноват, я действительно виноват, простите меня!

Голос Ли Цзясина постепенно затих, а в кабинете многие все еще дрожали.

Те, кто только что нагло разглагольствовал, теперь были в напряжении, не зная, не обернется ли эта буря против них.

— Кто следующий?

Цзян Хуайчу, похоже, не собирался останавливаться.

Несмотря на то, что Цзян Хуайчу обычно был веселым и непринужденным, когда он злился, он не щадил никого.

Атмосфера в кабинете стала напряженной, даже воздух застыл.

— Дзынь.

— Дзынь.

Два звука уведомлений WeChat прозвучали особенно громко в этой напряженной обстановке.

Цзян Хуайчу нахмурился, чей телефон сейчас решил вмешаться?

Все взгляды устремились на Фу Боя, который держал телефон в руках.

Фу Боюнь смотрел на экран, и его выражение смягчилось, как будто весь холод вокруг него растаял.

Почувствовав, что все смотрят на него, он поднял глаза и холодно оглядел всех, его лицо снова стало суровым.

Все сразу отвели взгляды, Фу-гэ был действительно страшен.

— Я выйду, позвоню.

Сказав это, Фу Боюнь вышел из кабинета с телефоном.

Цзян Хуайчу обернулся к Лу Цзиньмину, открыл рот, но ничего не сказал.

Лу Цзиньмин с удивлением на лице, наконец пришел в себя и кивнул Цзян Хуайчу:

— DDDD.

Цзян Хуайчу еще больше запутался, нахмурившись:

— Что это?

Лу Цзиньмин:

— Кто понял, тот понял.

Цзян Хуайчу: ...

Цзян Хуайчу отвернулся, но все же показал Лу Цзиньмину большой палец, он действительно много знает.

— Видели, что произошло?

Цзян Хуайчу не забыл о только что случившемся и с холодной усмешкой произнес:

— Вы сами нарывались, кто еще виноват?

Никто не ожидал, что Фу-гэ так сильно ценит эту маленькую фею.

В коридоре.

Фу Боюнь, засунув одну руку в карман, прислонился к стене, держа телефон у уха.

— Гэ.

Из трубки раздался чистый голос юноши, в котором чувствовалась радость.

— Ты так радуешься, услышав мой голос? — уголки губ Фу Боя слегка приподнялись.

— Радуюсь.

Сюй Чэньтин открыто признался.

Фу Боюнь поднес руку к губам, пытаясь скрыть улыбку, которая невольно появилась на его лице, и мысленно ругал себя за то, что такие простые слова могли вызвать у него волнение.

<http://bllate.org/book/16438/1490066>